

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все падо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после жизни
Личные мотивы
Два лица смерти
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВСЕ
НЕТАК

МОСКВА
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 26

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке Geliografic

Маринина А.
М 26 Все не так : роман / Александра Маринина. — М. : Эксмо, 2015. — 448 с. — (А. Маринина. Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-65702-5

Все прекрасно в большом патриархальном семействе Руденко. Но — увы! — впечатление это обманчиво: каждого из многочисленных представителей семьи обуревают свои потаенные страсти и запретные желания. И потому когда погибает — причем явно насильственной смертью — один из членов клана Руденко, то все домочадцы попадают под подозрение. Каково это — сидя в тесном семейном кругу, сознавать, что один из них убийца? Но еще страшнее заглянуть себе в душу, посмотреть в глаза демонам, что гнездятся в ней и заставляют жизнь идти не так, как надо. Именно эти демоны подталкивают человека к той черте, переступив которую повернуть назад уже невозможно...

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65702-5

© Алексеева М. А., 2007

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава 1

ПАВЕЛ

Говорят, есть люди, которые любят ходить на похороны. Я к ним не отношусь, может быть, возраст пока еще не тот, чтобы любить подобные мероприятия, а может, характер у меня для этого дела неподходящий. И вообще, я не уверен в правдивости информации о существовании таких людей. Лично я в похоронах ничего хорошего или хотя бы интересного не нахожу, а ведь проводил в последний путь я, несмотря на относительную молодость, уже многих: мало кому из молодых спортсменов удастся сделать спорт своей профессией на долгие счастливые годы, зато несть числа тем, кто отдает свою накачанную мускулатуру и приобретенные в секциях навыки за хорошие деньги в охранные службы или за еще большие деньги — в криминал. Вот и хороним.

Но сегодняшние похороны, на которые я явился, как полагается, в черных джинсах и черной водолазке, держа в руках охапку пушистых разноцветных астр, были другими. Солидными,

спокойными, многолюдными. И что самое любопытное — ни одного истерического выкрика, никого, кто забился бы в рыданиях, хватался за сердце или терял сознание, как часто бывает, когда внезапно гибнет тот, о чьей смерти никто и думать не думал и чей неожиданный уход повергает близких в шок. Н-да, ни малейших признаков шока я не наблюдал. И это было странным.

Впрочем, нет, не буду кривить душой. Еще два дня назад меня долго и мучительно допрашивал следователь, ибо результаты вскрытия показали совершенно недвусмысленно: смерть наступила в результате отравления, а точнее — остановки сердца, вызванной огромной дозой сердечно-го препарата, прописанного одному из членов семьи. И совсем даже не тому, кто в итоге умер. Можно по ошибке выпить не ту таблетку, но одну, а не пару десятков, к тому же растворенных в большой кружке с чаем. Вот такие пироги...

К ритуальному залу я подъехал одним из первых и сидел в машине, наблюдая за прибывающими. Минут через пять после меня появилась сверкающая — только что из мойки — машина, из которой, к вящему моему изумлению, вылез Игорь, участковый, обслуживающий тот микрорайон, в котором проживала семья Руденко. С Игорем я познакомился давно, еще когда только начал работать у Руденко, он мне нравился, и мы даже пару раз пили пиво в ближайшей забегаловке и трепались о всякой ерунде, и

я, конечно, замечал, что прикид у него неброский, но фирменный, однако мне и в голову не приходило, что он ездит на такой тачке. Впрочем, возможно, машина и не его, просто взял у кого-то, чтобы доехать до ритуального зала, расположенного довольно далеко от центра.

Игорь заметил меня, подошел и уселся рядом, на переднем сиденье.

— Здорово, — кивнул я, — пришел оказать уважение и выразить соболезнования?

— Следователь велел быть, — хмуро ответил он. — Понаблюдать. Ну, сам понимаешь, смерть-то криминальная. Опера тоже сейчас подтянутся. Паша, ты порядок знаешь?

Я снова кивнул. Уж сколько этих похорон было на моей памяти...

— Пойдешь с первой группой, с близкими.

Я удивленно посмотрел на участкового. На церемонии прощания в зал, где установлен гроб, сначала приглашают самых близких, иными словами — членов семьи, дают им возможность побыть наедине с усопшим, порыдать, а уже потом, спустя минут десять-пятнадцать, когда проходит первая волна истерик, запускают всех остальных, после чего и начинается собственно гражданская панихида или отпевание, это уж у кого что. Членом семьи Руденко я не являюсь, а причислить меня к близким если и можно, то с очень большой натяжкой. Кто я им? Наемный работник.

— Неудобно, — с сомнением произнес я.

— Я понимаю, — в голосе Игоря зазвучала неожиданная мягкость, — я все понимаю, Паша, но я тебя прошу. Пожалуйста. Уж мне или операм из розыска идти с близкими совсем не в дугу, а посторонние глаза должны быть. Обязательно. Убийца — кто-то из тех, кто пойдет с первой группой, с родными. И очень важно знать, кто где стоял, как себя вел, как смотрел, кто с кем переговаривался, кто плакал, а кто только делал вид, что скорбит. Ну, Паш?

Я молчал, уставившись в приборную доску.

— Ты пойми, — настойчиво продолжал Игорь, — первый момент, когда они увидят открытый гроб, — он самый острый, так всегда бывает. Большинство из них видело человека только живым и здоровым, потом его увозит «Скорая», потом сообщают, что он умер, и потом они видят его уже мертвым в гробу. Это невероятный шок. Люди в этот момент плохо владеют собой, плохо соображают, и очень часто вылезает то, что они хотели бы скрыть. Ну? Поможешь?

В общем, он меня уговорил.

И вот я стою в небольшом красивом зале, в центре которого возвышается открытый гроб, и наблюдаю за присутствующими, спрятав глаза за темными стеклами очков. Тут все в очках, все до единого, кроме самого младшего, шестилетнего Костика, и иди знай, то ли человек прикрывает покрасневшие и опухшие от слез веки,

то ли хочет скрыть сухой, равнодушный или полный злорадства взгляд.

Кто из них убийца? Кто? А ведь это совершенно точно кто-то из них, потому что больше некому.

Мог ли я знать два года назад, когда пришел работать к Руденко, что все закончится вот так страшно?

* * *

Когда я был еще пацаном, мама постоянно твердила, что надо быть умнее, хитрее, осторожнее, что я со своим таранным прямодушием, которое я по наивности считал честностью, только настрадаюсь, а толку все равно не будет. По-видимому, мамуля была права, но, чтобы это оценить, мне понадобилось прожить без малого тридцать лет, набить синяки и шишки, завоевать кое-какие призы и медали вкупе со званием мастера спорта международного класса, побалансировать на грани инвалидности и в конце концов остаться без работы и без жилья. Вернее, жилье пока еще было, но очень условное, а вот работы не было совсем. Никакой. Условность же моего пристанища заключалась в том, что мне, скрипнув зубами, разрешили пожить в нем бесплатно, но очень короткое время.

Как и многие молодые люди, я совершал, причем неоднократно, типичную ошибку: считал, что «так будет всегда». Всегда будут молодость, силы, здоровье, физические кондиции,

спортивные успехи, всегда будут работа и деньги, и любовь тоже будет всегда. Причем объекты самой любви периодически меняются, но все равно каждый раз возникает твердое убеждение, что это никогда не кончится.

Я был дураком, за что и поплатился. Нет, не дураком — идиотом, причем фантастическим. Наверное, мне просто везло в той сфере, которая именуется личной жизнью, и каждая следующая пассия возникала на моем пути в то время, когда я еще не расстался с предыдущей, поэтому проблема жилья надо мной как-то не висела: я просто переезжал с одной квартиры, принадлежавшей даме сердца, на другую, хозяйка которой становилась моей новой возлюбленной. И какого же черта я полагал, что так будет всегда?

Нет, вру, ничего такого я, конечно, не думал, и в этом как раз и состоит типичная ошибка: о будущем я не думал вообще. А чего о нем думать, если оно будет таким же, как сегодня? Будут обеспеченные милашки с квартирами, и будут платные бои в закрытых клубах и «черные» тотализаторы, и будут люди, желающие серьезно тренироваться и платить за это деньги. Так о чем тут думать?

Потом я здорово покалечился, оказавшись со своей машиной не на том перекрестке и немножко не в то время. Пятью секундами раньше или позже — и тот пьяный кретин, несшийся на красный свет со скоростью чуть меньше скоро-

сти звука, проскочил бы мимо меня. Но он не проскочил, и когда я через полгода вышел из больницы, ни о каких серьезных тренировках с серьезными противниками уже не могло быть и речи. За эти полгода моя «квартирная хозяйка» успела решить личные вопросы самым кардинальным образом, то есть собралась замуж. Естественно, не за меня. Возможность прожить на ее площади я потерял, но, поскольку жених у нее выдался знатный, она к моменту моей выписки уже переехала к нему в загородный коттедж, а мне милостиво позволила пожить в ее квартире, но только недолго, пока я подыскиваю себе жилье. Вы еще не поняли? Я не москвич. Я приехал совсем из другого города, маленького и далекого, ибо, как и огромное множество людей, наивно полагал, что если красивая, как в кино, жизнь где-то и существует, то только в столице, где крутятся большие деньги и существует масса возможностей показать себя и как-то продвинуться.

В общем, можно было бы долго описывать историю моей глупости, но я не стану этого делать, потому что важен результат: я одновременно оказался без привычных физических кондиций, без денег (правда, с новенькой машиной. Старая, попавшая в аварию, восстановлению не подлежала, и первое, что я сделал, выписавшись из больницы, — купил машину, угрохав остатки сбережений, и без того оскудевших, потому как полгода лечения — удовольствие не из деше-

вых), без работы и без жилья. К перечню того, чего у меня не было, надо добавить и желание вернуться домой, в родной город. Уезжать из Москвы мне не хотелось. Ума у меня, вероятно, тоже не было, потому что какой же умный человек покупает машину, когда ему негде жить? Но представить себя без машины было совершенно невозможно. Как это: в Москве — и без машины? Так что я, засунув гордость в одно пикантное место, начал искать работу. Если бы рядом была моя мама, она, конечно, сказала бы, что мне надо быть умнее и хитрее, то есть делать вид, что предложений у меня хоть отбавляй, что за такого ценного кадра, как я, любой готов уцепиться обеими руками, но мне, понимаете ли, наскучила работа со взрослыми здоровенными накачанными дядьками, все необходимые деньги я уже заработал и теперь ищу, чем бы мне развлечься, так что вы предлагайте, а я еще повибираю да повыкобениваюсь. Но мамы рядом не было, и за поиски работы я взялся со всем присущим мне дурацким прямодушием, то есть запустил свое резюме в Интернет, а также обзвонил все места, где успел за последние восемь лет поработать, честно рассказал про проблемы со здоровьем и признался, что готов взяться за любое дело, если зарплаты хватит на съем самого дешевого жилья, бензин и прокорм.

По состоянию здоровья я мог бы заниматься с детьми и начинающими подростками, но это поле оказалось давно и плотно занято, и мне там

места не нашлось. На остатки денег я уныло жил в милостиво оставленной мне на время квартире и ждал, когда что-нибудь проклюнется. Ждал я долго, тратя свободное время на то, что погрызал сам себя, посыпая раны солью упреков в глупо потраченных годах. Вообще-то по молодости лет трудно сделать правильный выбор, когда выбирать приходится между бурной денежной жизнью, с одной стороны, и планомерным монотонным выстраиванием собственной карьеры — с другой. Покажите мне молодого мужика, который при подобной альтернативе выберет не то, что выбрал в свое время я сам. Участвовать в платных боях, проводящихся в закрытых клубах, и получать за это немалые деньги, заводить яркие знакомства и страстные скоротечные романы или вставать каждый день в семь утра и скучно ходить на службу, выгадывая и высчитывая, когда можно будет позволить себе поменять машину или съездить отдохнуть за границу... Одним словом, все понятно.

Когда деньги уже почти совсем закончились, мне позвонили. Это была Нана Ким, начальник службы безопасности одного издательства. Когда-то она два или три раза приглашала меня на трехмесячный договор, и я занимался с ее сотрудниками рукопашным боем. Ей я тоже звонил, устраивая свой SOS-обзвон потенциальных работодателей.

— Ты все еще ищешь работу? — спросила она.

— Ищу, — вздохнул я.

— Ну приезжай, поговорим.

Я быстренько принял душ, вымыл голову, побрился, всунул себя в джинсы и куртку, дохромал не без помощи палки до своей новенькой машинки и помчался в издательство. По дороге размышлял, купить цветы для Наны или не нужно. Был момент, когда она мне очень нравилась. Ну просто очень! Она была старше меня на несколько лет, но меня такие мелочи никогда не смущали, и я с ходу ринулся в бой, но был немедленно и жестко остановлен. Слава богу, природа наделила меня одним полезным качеством: я совершенно не умею сохранять мужской интерес к женщине, если она не отвечает мне взаимностью. Так что муки неразделенной любви мне неизвестны, и влюбленность в Нану Ким, продлившись ровно одну неделю, тихо скончалась. Сами видите: мысли о цветах были не праздными. С одной стороны, она все-таки женщина и, вполне возможно, от нее сейчас зависит мое трудоустройство, посему надо бы прогнуться, но, с другой стороны, цветы могут быть восприняты ею как намек на неостывшее чувство и надежду на новый виток в отношениях и новую попытку, а вдруг это ее разозлит? И никакой работы для меня не окажется...

Ни до чего умного не додумавшись, я явился к ней в кабинет с пустыми руками, отметив попутно сидящую в приемной новую секретаршу, жуть какую хорошенькую, хотя прежняя, кото-

рую я знал когда-то, тоже была красоткой хоть куда. Обладающая совершенно не «модельной», но абсолютно неординарной внешностью, Нана Ким была из тех редких женщин, которые не боятся близкого соседства с молодыми очаровашками.

Палку я на всякий случай оставил в приемной и постарался не очень припадать на больную ногу, но Нана, сама в прошлом спортсменка, поляну просекла мгновенно и посмотрела на меня с нескрываемым сочувствием.

— Что врачи обещают? — спросила она.

— Мало что, в основном пугают. — Я попытался выглядеть беззаботным и стопроцентно уверенным в полнейшем и скорейшем восстановлении своей физической формы, но и совсем уж нагло врать тоже не хотелось. — Это нельзя, то нельзя, и нога какое-то время будет болеть, особенно на перемену погоды.

— А спина?

Ах, прозорливая ты моя! Про спину я малодушно умолчал, хотя по сравнению с этой проблемой больная нога казалась просто-таки фурункулom на фоне инфаркта.

— Ну, и спина, конечно, тоже. — Мне показалось, что я очень ловко увернулся от конкретного ответа.

— Ладно. — Нана почему-то вздохнула, пододвинула к себе толстый ежедневник и принялась его листать. — Значит, выступать ты не сможешь еще года три, это как минимум, трени-